

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«пусть соревнуются в сведении счетов»

Кадр из фильма «Русский ковчег».

ся или заплакал. Все должно происходить постепенно, незаметно. И тогда возникают аплодисменты или люди сидят молча – не могут пошевелиться, потому что на их глазах с тобою произошло нечто...

– **Вам удавалось этого добиться?**

– Да, когда я играл «Немую сцену» по гоголевскому «Ревизору». Это началось в Питере, в 1986 году. Я тогда так тосковал по настоящему театру, что впервые сделал моноспектакль. Сыграл его в ленинградском Театральном музее на праздновании 125-летия первой постановки «Ревизора». Думал, выступлю один раз, а вышло, что ездил с ним по всей стране и за границу. С тех пор я знаю, что может происходить с актером на сцене и со зрителем в зале. И свои ошибки знаю – это когда нарочно наддаешь в тех местах, которые вчера имели успех. Вот она – природа репризы!

– **После маминского «Окна в Париж» вас узнала вся страна и ее окрестности, а вы только и делаете, что прячетесь...**

– Я не хочу публичности. Меня вполне устраивает, когда мне уступают очередь в магазине или когда курсанты просят автограф.

(И тут, словно услышав эти слова, из-за соседнего столика поднимается человек, направляется к Дрейдену и просит автограф...)

– Однажды был комический случай: зашли в подворотню два парня, чтобы помочиться. Я говорю: ребята, побойтесь Бога, вы же не гадите друг другу в карман!» «Чего?!» – грозно говорит один. А другой: «Да ты смотри, кто это! Дайте мне автограф!» – и протягивает мне паспорт, чтобы я на нем расписался. Ну, я и написал: «Не с.ы, Володя!» Хорошо, что он закрыл паспорт, не читая, а то мог бы и побить.

– **А как вы познакомились с Юрием Маминым?**

– Он давно знал меня как артиста. Наша первая работа – фильм

родных премий. Однако вы по фестивалям не ездили. А вот с «Русским ковчегом» Сокурова побывали в Каннах. Как это было?

– В самолете я сразу же напился.

– **От счастья?**

– От того, что давали выпить. Я и в Каннах все три дня выпивал – это было так легко и забавно. Я рано вставал, купался, мог запростяк побеседовать с Пиотровским, директором Эрмитажа. Перед журналистами выступал Сокуров, он в этом деле опытный, а я вовсю получал удовольствие – я ведь не был озабочен прокатом фильма. Тут Голутва подойдет, там еще кто-то. Огромные улитки ползают по кустам. Я перед пресс-конференцией набрал в стакан улиток, налил газированной воды и всем показывал. В общем, оттянулся. Впрочем, в какой-то момент была мысль: а вдруг получу главный приз? Приз в Каннах – это вид на жительство во Франции. Представляете, я бы мог приехать туда в любое время! «Ты где?» – «Я здесь, у меня вид на жительство!» Но приза я не получил.

– **Репетируя в «Вишневом саде», вы сейчас провели в Москве**

почти три месяца. С каким чувством уезжаете?

– Впервые не испытываю мук. Обычно у меня бывает: не то сказал, не то сделал, ай, ой. Сейчас у меня этого нет. И рецензий на наш спектакль читать не буду.

– **Вы не читаете, что о вас пишут?**

– Обычно читаю, злюсь, думаю: а кто тебя, зараза, поставил на обзорную вышку?! А на этот раз мне легко. Пусть соревнуются в сведении счетов. Захожу – почитаю, захочу – нет.

– **Что, на ваш взгляд, отличает новое поколение артистов?**

– Вы все о серьезном... Ну, извольте. Артисты, как и все современные люди, очень поверхностны. И эта горизонтальная жизнь очень сказывается на уровне игры. Мне однажды мой покойный отец сказал (вот видите: я его не любил, а слезы наворачиваются!): «Знаешь, моя главная беда в том, что я поверхностный».

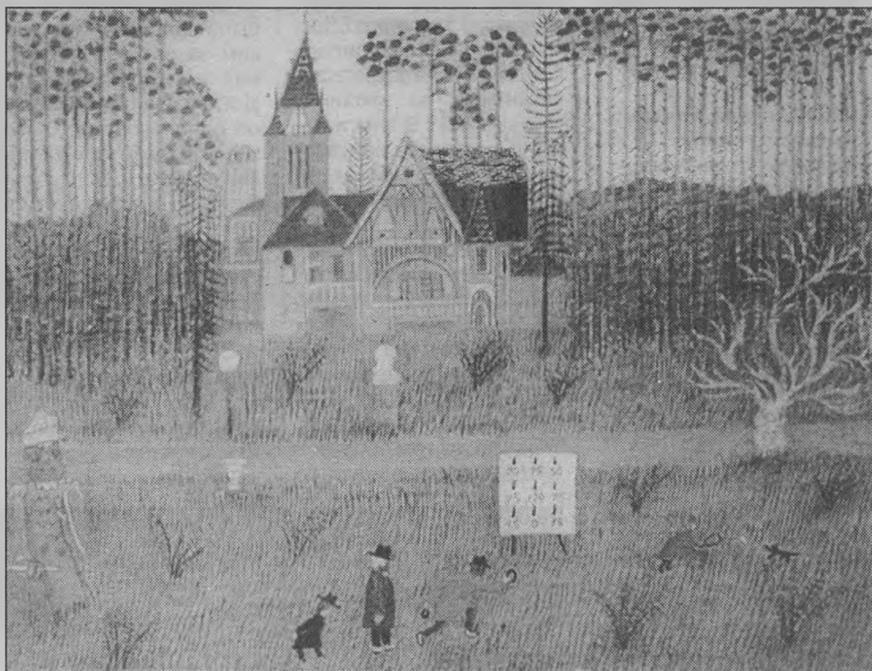
– **А за что вы его не любили?**

– Наверное, за то, что я слишком на него похож.

Встречалась

Алла ШЕНДЕРОВА

Картины Сергея Дрейдена

«Черная речка».

«Ясно».